

Лариса Ухо

Другие берега

ПОЧЕМУ именно Бельгийская академия вручила вам столько наград? Вы там много выставлялись?

— Нет, они бывают на крупнейших выставках в Париже, таких, как Осенний салон, ФИАК, Салон независимых, и там отбирают работы художников.

— Как вам удалось попасть на престижнейшие выставки Парижа?

— На самом деле это не так уж сложно, просто мы, живя в России, ничего этого не знаем. Мы даже

надо заплатить такую сумму денег, какую ни я, ни люди, меня пригласившие, даже в глаза не видели. Мне ничего не оставалось делать, как взять кисти и краски и пойти рисовать на улице. Я тогда изрисовал 11 рулонов бумаги по 30 метров — и выставка состоялась. Она прошла удачно. Было много прессы. Картины стали покупать. Я не могу сказать, что после этого деньги ко мне потекли рекой. Зарабатывать живописью — очень нелегкое дело и здесь и там, но все-таки мы живем без всяких спонсоров, и нам удается участвовать в выставках, которые проводятся в разных странах, общаться с очень известными людьми, видеть, что происходит в области изобразительного искусства. Правда, у нас нет никакого опре-

цветающих в Париже, я видел выставку художника, фамилии которого даже не помню, — 30 или 40 картин на один и тот же сюжет: стоит человек, опершись коленом о стул, и засунув руку в карман. Все — в разном виде: недописанная, недорисованная, карандашом, в масле, там и скульптура такая была.

— В чем смысл такой выставки? — Я думаю, в том, чтобы потом художник угадывался сразу. Тогда за него начинают платить. Вероятно, сделав такую выставку, он может жить припеваючи и рисовать что угодно, но вполне возможно, что он уже все время будет работать только с этим сюжетом, а это страшно.

— Знаете ли вы на Западе художников свободных и процветающих?

Независимая газ. — 1995. — 3 марта.

БОЛЬШОЙ СТИЛЬ ВОЗРОДИТСЯ

Пока же художники Ромадин живет в апартаментах Горбачева

представить себе не могли, какое количество крупных международных выставок проходит за год, сколько знаменитостей там бывает и какие гигантские деньги проворачиваются. Это можно сравнить с престижными кинофестивалями, но о них мы знали из нашей прессы, а о выставках в Гран-Пале почему-то нет. Я не знал, например, что существует специальный спрочник, в который художники со всего мира вносят свои имена. Как только я опубликовал в этом спрочнике свои координаты, последовало множество предложений участвовать в выставках по всей Европе. На большинстве престижных выставок художника представляют галереи, но некоторые, даже такие знаменитые, как Осенний салон и Салон независимых, работают непосредственно с авторами. Правда, художники сами платят за помещение, электроэнергию, даже за то, чтобы быть внесенными в каталог, но все это стоит примерно 100 долларов.

— Много русских так стартует в Париже?

— Я не очень хорошо это знаю. Мы с женой только недавно вступили в Ассоциацию русских художников в Париже. Меня поражает одна вещь: когда мы здесь рассказали, что есть реальная возможность участвовать в выставках, о которых мы раньше только в учебниках читали, то многие художники сразу стали спрашивать: «А кто будет платить за билет до Парижа?». Ни французу, ни американцу такой вопрос даже в голову не придет. Они не рассчитывают на чью бы то ни было помощь, но умеют взять то, что им положено.

— А вы умеете брать так, как это делают американцы?

— Нет, конечно, но стараюсь учиться. Когда я впервые приехал в Даллас в 1989 году со мной произошла такая история. Срывалась моя персональная выставка, ради которой я и был приглашен в Техас. Выяснилось, что для того чтобы мои картины пришли туда из Москвы,

На ежегодном вручении наград Бельгийской международной академии современного искусства художника Михаила Ромадина называли 4 раза. Такой чести там не удостоился больше никто. Высший приз академии, «Золотую пальмовую ветвь», ему присудили дважды — в 1993 и 1994 г. Кроме того, жюри присвоило Ромадину звание «Офицер» и титул «Почетный доктор искусств». Это не первое признание мастера на Западе — его работы находятся в Доме инвалидов в Париже, в музеях Петера Людвига в Кельне и Аахене, в собрании Нортона Доджа в Вашингтоне. Соотечественникам он известен не только как живописец, чьи работы выставляются в Третьяковской галерее и Государственном историческом музее, но и как художник-постановщик знаменитых фильмов — «Солярис» Тарковского, «Первый учитель», «История Аси Клячиной» и «Дворянское гнездо» Михалкова-Кончаловского. В последние 5 лет Ромадин подолгу живет за границей — в Далласе и Париже.

деленного уровня жизни — иногда мы живем в апартаментах, которые занимали Горбачев с супругой, а иногда в мансарде, где и повернуться-то негде, а надо еще и работать.

— Вам вручают высокие награды, постоянно приглашают на самые престижные выставки, делают почетным гражданином американских городов, в конце концов, у вас уже есть имя, разве это не приносит дохода на Западе?

— Пока такой прямой зависимости я не ощущаю. Сейчас на Западе художников «раскручивают», как поп-звезд. Если заключить контракт с престижной галереей, то за несколько лет из тебя могут сделать очень модного и дорогого художника, но тогда ты попадаешь в полную зависимость от галереи. Хочу сказать о том, что меня недавно потрясло. В галерее Клода Бернара, одной из самых про-

— Думаю, что свободы у художников в России гораздо больше. Я не видел на Западе искусства для искусства, хотя, может, оно где-то и есть.

— Где вам сейчас интереснее жить как художнику — в России или на Западе?

— Там за два с половиной месяца у меня прошли две персональные выставки, и еще я выставлялся на четырех общих. А здесь за полгода я получил всего лишь одно предложение из Литературного музея, так что судите сами. Может быть, все это связано с коммерцией, иногда бывает такое ощущение, что там покупают не живопись, а просто вкладывают деньги, но все-таки жизнь там очень интенсивная.

— Вы приезжаете сюда с интервалом примерно в полгода. Как меняются ваши впечатления раз от разу?

— Впечатления очень противоречивые. С одной стороны, я вижу, что продаются такие книги, о которых раньше и говорить вслух даже не смели. Галереи открываются новые. А с другой стороны, человек, которого я раньше считал своим другом, стал вдруг фашистом, баркашом. Эпоха сейчас очень эклектичная. Это чувствуется и в жизни, и в искусстве, и не только у нас, но и на Западе. Такие периоды бывают и проходят. Потом возрождается большой Стиль.